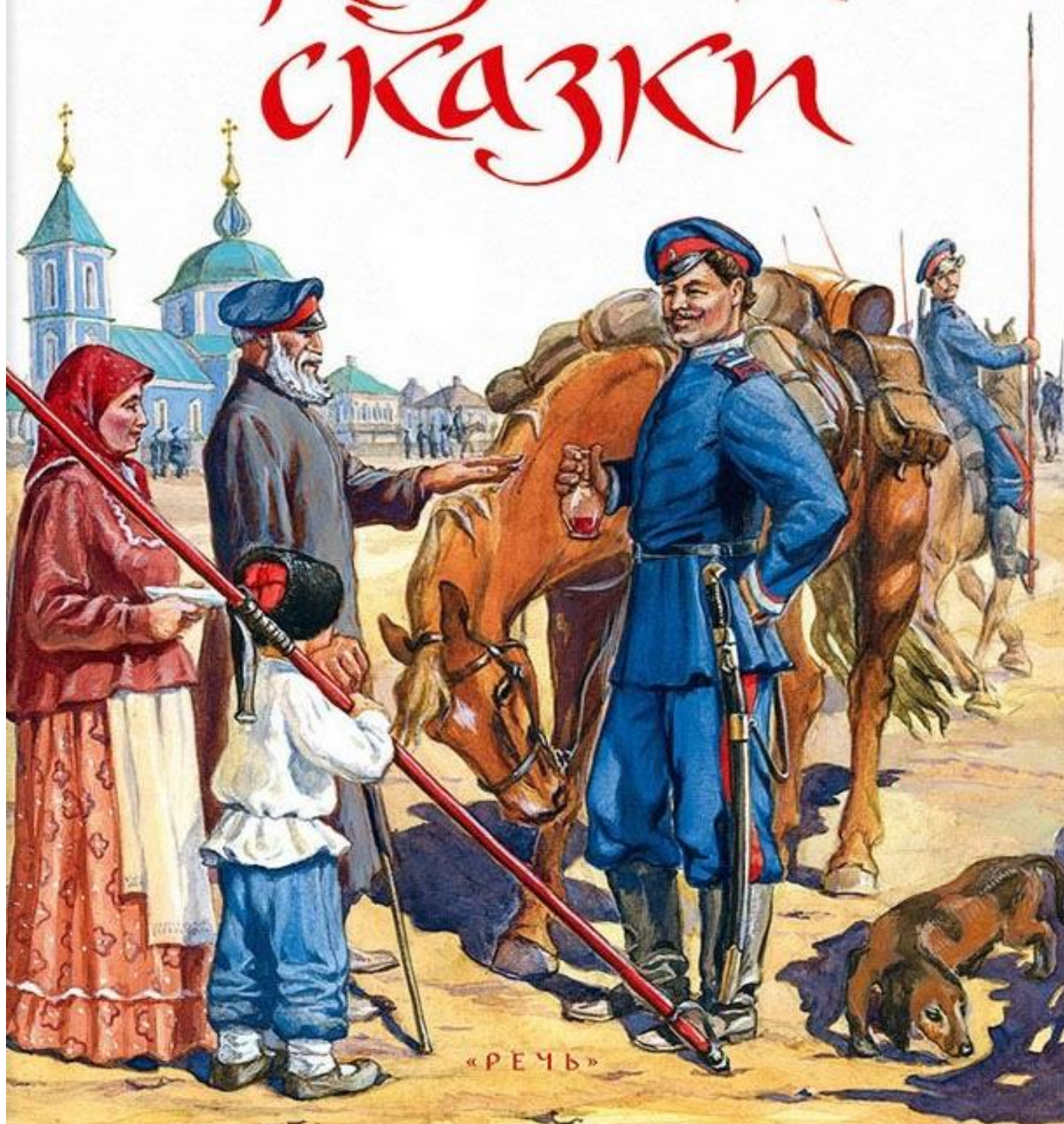

Казакън сказкн

Составила Трубникова Татьяна Викторовна

СОДЕРЖАНИЕ

Есаул и его конь.....	3
Казак и птицы.....	5
Как сотник замуж дочь выдавал.....	7
Казак-гончар.....	9
Кзаки и разбойники.....	13
Казак и заколдованная девица.....	15
Казак и ведьма.....	19.
Один голутвенный и два домовитых казака.....	21
Бочонок и бочка.....	23
Станица.....	25
О Грицко Коломийце и волшебном цветке- дождевике.....	33
Чабрец.....	42
Виноградная лоза.....	47

«Есаул и его конь»

Это было в те далекие времена, когда кубанские казаки защищали Русь Великую от турецких набегов. Славно сражались казаки и бились не на жизнь, а на смерть.

И вот на той войне воевал один казак в чине есаула. И хотя в душе он был очень добрым и справедливым человеком, но с врагом справлялся смело и жестко. И за это была о нем великая слава среди казаков и уважение среди турок.

Был у есаула надежный, преданный боевой товарищ — его конь. Много они выходили в боевые походы, много повидали переделок и ни разу друг друга не подводили.

И вот, в одном из боев, вражеская пуля попала коню прямо в заднюю ногу. Упал конь на землю, а есаул далеко с него вылетел, но не повредил себе ничего. Оборачивается он назад, глядит, а его любимый конь лежит не шевелится.

А у казаков был такой закон — раненого коня они должны были застрелить, чтобы тот не мучился.

Но есаулу жаль стало своего коня, и убивать его он не стал, а подождал до вечера и, когда стемнело, собрал нескольких своих казаков, взвалили они коня на арбу и привезли на заставу.

Есаул аккуратно извлек пулю из его ноги, приложил к ране целебные травы и перевязал своей рубахой.

Через три дня конь уже мог стоять на ногах, а через семь—уже бегал и радовался. Каждый день хозяин прикладывал к его ране свежие травы и менял перевязку. И через две недели от раны лишь след остался, и есаул запрягал своего друга-коня для боевой атаки.

Прошло некоторое время. Много совершили казаки очередных подвигов под руководством славного есаула.

А однажды в жарком бою был сильно ранен сам есаул. Слетел он с коня и упал без движения. А казаки еще сильно и долго били врага и к вечеру отбросили турков далеко от своего рубежа.

Вот вернулись казаки на заставу, кинулись, а есаула-то нет с ними. Что делать? В степи по темноте не найти ни раненых, ни убитых, и решили они отправиться на поиски на следующее утро.

А есаульский конь все время возле своего хозяина находился.

А когда солнце зашло, конь облизал его рану, и есаул открыл глаза, но встать не смог, потому что сильное было ранение, и он очень ослаб.

Тогда конь опустил передними копытами на колени рядом с хозяином, но есаул все равно не смог влезть на него. Тогда он полностью лег и есаул смог, ухватившись за седло, с большим трудом влезть ему на спину. После этого конь вскочил и потихоньку побрел в сторону казачьей заставы.

А казаки в это время отдыхали после сражения. Вдруг слышат—кто-то идет в темноте. Они насторожились, прислушиваются. Затем один казак пригляделся и говорит:

«Да это же конь нашего есаула».

Смотрят казаки, а на спине у коня лежит еле живой есаул. Сняли они раненого и отнесли к доктору.

Вот так и спас конь своего хозяина от смерти.

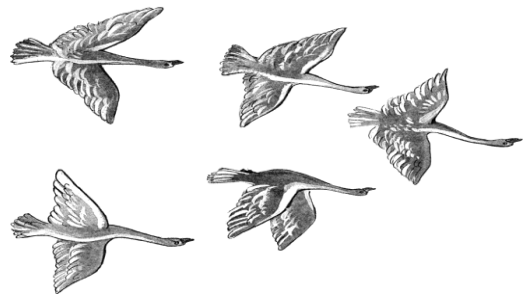
А история эта разнеслась по всей Кубанской области. И до сих пор вспоминают казаки славного есаула и боевого товарища -его коня.

«КАЗАК И ПТИЦЫ»

Давным-давно в одной из станиц Кубанской области жил казак по имени Сашко. И так как война с турками в то время прекратилась, Сашко аккуратно сложил казацкое обмундирование в шкаф, ружье и шашку поставил в угол и занялся земледелием.

Он пахал землю и сеял зерно, собирал урожай и молол муку, выпекал душистый хлеб и варил крепкую кубанскую горилку. Сашко достаточно преуспел в этом деле и прославился на всю свою станицу соседние поселения. Со всей округи съезжались казаки к его дому за мягким хлебом и крепкой горилкой.

Но случилось однажды у казака большое несчастье. Стояла тогда на Кубани засуха, пекло солнце и жара была невыносимая. Вспыхнул в той станице пожар, и погорели почти все деревянные постройки в казачьих дворах и лишь глиняные хаты да сараи уцелели. А у Сашка на земле сгорела почти вся пшеница, но немного ему все же удалось спасти. И набралось у него зерна всего мешок.

Прошла осень и наступила зима. И

стужа стояла такая, какой в Кубанской области казаки еще не видали. Даже река Кубань - быстрая и бурлящая - покрылась льдом от берега до берега, чего никогда не бывало.

Надел Сашко тулуп из овчины и вышел во двор поглядеть, что там делается. Набил люльку табаком, закурил и видит: кругом все снегом заметено, а на белых деревьях птицы сидят и не шевелятся, замерзают.

Жалко ему стало бедных птиц. Пошел он, соорудил для них кормушки деревянные и насыпал по две жмени зерна в каждую. Налетели птицы на пшеницу, стали клевать да насыщаться. А птица когда не голодная, ей и тепло и не замерзнет в лютый мороз.

С этого дня стал казак каждый день в кормушки для птиц по две жмени зерна сыпать, хотя сам он обеднел и перебивался с хлеба на квас.

Так и прошла зима, и в последний ее день высыпал Сашко птицам последнюю пшеницу из своего мешка и только сейчас заметил, что весь свой запас птицам скормил.

Сидит казак, пригорюнился, курит люльку и думает: "Теперь и есть нечего и сеять на земле нечего".

И вот пришла пора посевной. Сидит Сашко в хате, слышит - шум, гам да удивление соседей на улице. "Что такое?" - думает, и вышел во двор.

Глядит, а над его землей стая разных птиц кружится. Среди них и голуби, и скворцы, и воробьи, и множество других птиц, и каждая делом занята - бросает зернышко в землю и улетает куда-то далеко за реку Кубань и так много раз.

Казачи со всей станицы собрались, смотрят и удивляются, никогда не видели, чтобы птицы кому-либо огород засаживали.

А Сашко в тот год зерна собрал немерено, даже пришлось новый амбар построить. И стал после этого он жить в постоянном достатке, а затем взял в жены самую красивую девушку в Кубанской области и родилось у них много казачат. И были они счастливы до конца.

«КАК СОТНИК ЗАМУЖ ДОЧЬ ВЫДАВАЛ»

Жил как-то в одной из станиц близ славного града Екатеринодара старый казак.

За свои подвиги, которые он совершил на охране южной границы, приобрел тот казак большую славу. И получил он в награду чин сотника и сто лихих казаков в свое подчинение. И сотня его на столько смело и умело справлялась с врагом, что турки прозвали ее «сотня шайтана».

И вот вернулись казаки после очередных военных действий в родную станицу и, как всегда, занялись ведением домашнего хозяйства.

А к тому времени дочери сотника уже исполнилось восемнадцать лет. И была она удивительно красивой, умной и замечательной хозяйкой. Она умела хорошо готовить, управляться за скотиной, шить одежду и много-много разных дел выполнять.

И вздумалось сотнику выдать свою дочь замуж. Собрал он всех казаков в станице и говорит:

- Отдам свою дочь в жены тому, кто сможет меня удивить хоть словом, хоть делом, хоть делом.

Разошлись казаки по сторонам, думают, чем же сотника можно удивить.

Один удалец положил на обрубленное дерево кочан от яблока, отошел на сто пятьдесят шагов и выстрелом из своего ружья сбил его. Все стоявшие вокруг захлопали в ладоши от такой меткости. А сотник погладил свои длинные, закрученные усы и промолвил:

- Доброе ружье.

Удальца он не похвалил и не удивился, потому что ему и в голову не приходило, что кубанский казак из хорошего ружья может промахнуться.

Другой станичник, казак-богатырь, взвалил на себя своего коня и пронес его по кругу, который образовали стоящие вокруг люди. От такой силищи казаки были в недоумении и захлопали в ладоши еще сильнее. А сотник, знай себе, усы поглаживает да люльку курит. Были на Руси богатыри, есть и всегда будут. И это меня не удивляет, потому что так должно быть, - сказал он.

Многие еще показывали, на что они способны, вытворяли разные

трюки, показывали фокусы, мастерское владение ружьем и шашкой, но ничего не удивляло сотника.

В стороне стоял казак, который любил его дочь и тайно с нею встречался. Долго он наблюдал за всем происходящим. И заняло у него сердце, что его любимую может взять кто-то другой. А любовь этого казака была слишком сильна.

Вот вышел он к сотнику, посмотрел ему прямо в глаза и говорит:

- Хотел бы я тебя удивить, да глупцы не умеют удивляться.

- Ты меня уже удивил, - отвечает сотник, - потому что слова твои идут от сердца, ты говоришь искренне. Будь моим зятем.

И на следующий день закатили такую свадьбу, какой в той станице никто не видывал. И все были счастливы, особенно молодожены.

«Казак — гончар»

Жил да был как-то в одной из станиц Кубанской области казак по имени Василь.

В то время как раз не проходило никаких военных действий, и казаки занимались своим хозяйством.

Одни имели какое-нибудь ремесло, другие просто держали скот, а все вместе выращивали пшеницу, кукурузу и другие культуры.

У Василя было большое хозяйство. Куры, утки, гуси, овцы, козы, коровы и лошади. Кроме этого он имел достаточно земли, чтобы и себя прокормить и свою живность.

Но была у казака одна задумка: очень он имел большое желание вылепливать из глины всякую посуду. Никто вокруг не знал об этом его тайном желании. А он всем своим существом хотел стать гончаром.

Услышал он как-то, что в славном граде Екатеринодаре есть казак, в совершенстве владеющий гончарным искусством. Оседлал Василь коня и отправился в Екатеринодар.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело складывается. Отыскал Василь мастера и стал у него учиться. Пробыл он в славном казачьем граде три месяца и три дня.

За это время научился он многому. Учитель сказал, что остальное в гончарном деле постигается в процессе работы, в процессе каждодневного общения с глиной, с творчеством, с природой.

Прибыл Василь в свою станицу и принялся за дело. Привез глины, соорудил небольшой станок для изготовления кувшинов и каждый день постигал в этом ремесле опыт.

И понял, что учитель был прав, потому что опыта и мудрости набираешься тогда, когда проходишь через свои собственные ошибки. А на чужих ошибках не научишься никогда.

Стали приходить к гончару казаки со всей станицы и покупать глиняную утварь: кувшины для зерна, для вина, горшки для пищи и

другую посуду, необходимую станичникам. Василь постепенно изучил, а так же и сам придумал множество секретов в гончарном искусстве и обошел в мудрости сего дела своего учителя, хотя и не знал об этом.

А однажды пришел к Василю в гости сам батька атаман Мудрый. Сначала он осмотрел работы мастера, а затем хозяин пригласил атамана к столу.

Вот сидят они, пьют, едят, и ведут непринужденную беседу. Затем забили люльки табаком, закурили, атаман и спрашивает:

- Ну скажи мне, Василь, почему ты все-таки решил работать гончаром?
- Решил я работать с глиной,- ответил тот,- потому что и мы, люди, вылеплены из нее Богом.

Атаман удивился такому ответу и продолжил:

- Тогда скажи, почему Бог сделал одних людей хорошими, других плохими, а твои горшки все до единого хороши?
- Да, они все красивы, но один я делаю для вина, а другой—для отходов. Хотя в последствии и тот и другой могут перемениться: тот, что был с вином, может стать под отходы, а в том, который был с отходами, смогут хранить доброе вино.

Батька Мудрый получил свое прозвище от казаков за мудрость, как в военном искусстве, так и в мирной жизни. К нему часто приходили станичники за советом по самым различным вопросам, и батька всем помогал: кому словом, а кому делом.

И теперь ему было очень приятно беседовать с мудрым гончаром и даже не хотелось уходить домой. Он словно встретился с родным человеком. Но пора было расставаться, так как в небе уже светила луна и звезды.

Через некоторое время присылает атаман к гончару гонца, который сообщил, что батька приглашает его сегодня на обед. К обеду Василь оседлал лошадь и отправился к батьке.

Вот сидят они за накрытым столом, едят и мирно разговаривают. А

дочь атамана, красавица Елизавета, ухаживает за ними.

Вдруг приходит к Мудрому еще один гость — молодой казак, который хотел спросить совета по одному делу. Усадил его атаман за стол и спрашивает:

- Что за проблема привела тебя ко мне?

- Мне, батько, край как нужен твой совет, так как я сам не разумею.

- Ну тогда спрашивай.

- Есть в станице девушка, которая уж очень мне любя,- говорит новый гость,- но она так же любя и моему самому лучшему другу, который в бою меня от лютой смерти спас. Так вот в этом и есть весь вопрос.

Если я женюсь на этой девушке, то могу остаться без лучшего друга, а если я не женюсь на ней, то может случиться так, что женится на ней мой друг, и я останусь без любимой девушки.

- Да-а-а. Положение у тебя не из лучших.- С сочувствием сказал батька, и ту же обратился к гончару:

- Что бы ты мог сказать по этому поводу?

Василь посмотрел на молодого человека и произнес:

- Для того, чтобы что-нибудь обрести, мы всегда что-нибудь теряем.

Без потери не бывает находки. И чтобы тебе обрести счастье, необходимо принести жертву. Но какой выбор ты сделаешь, пусть тебе подскажет сердце, тут я тебе не советчик.

И казак, и стоявшая рядом атаманская дочь были весьма удивлены как мудростью, так и простотой гончара. А батька Мудрый был очень рад этому.

После того, как молодой гость ушел, атаман спросил:

- Как тебе, Василь, нравится моя дочь?

- Очень хороша,- был ответ,- никак не могу налюбоваться ею.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело складывается. Стали атаман и гончар большими друзьями. А дочь батьки—Елизавета—очень полюбила Василя и ему стала любимой.

Вот подзывает Мудрый однажды гончара и Елизавету к себе и говорит:

- Василь, любя ли тебе моя дочь?

- Очень любя,- отвечает тот.

- Елизавета, люб ли тебе Василь?

- Очень люб, батько.

- Тогда ответьте, доколе будете томить сердце старика? Когда, наконец, я увижу вас мужем и женой?

Через некоторое время случилась свадьба, на которой гуляла вся станица и казаки из соседних поселений.

Василь и Елизавета были несказанно счастливы. А более них счастлив был батька Мудрый. А после его смерти казаки выбрали атаманом Василя и нарекли его — батька Гончар.

И приезжали к нему за добрым советом и помощью казаки со всей Кубанской области, и никому из них не было отказа.

«Казак и разбойники»

Случилось как-то, что в Кубанскую область приехали разбойники. Одни из них были беглыми каторжниками, другие осужденные на смерть, третьи дезертиры.

Поселились они в лесу и выстроили там себе из бревен дом. Он стоял посреди леса так, что никто не мог знать, где эти заезжие разбойники прячутся. Они подкарауливали на большой дороге проезжавшие кареты, нападали на них и грабили.

В казачьей станице, которая располагалась неподалеку, давно про этот лес ходила недобрая слава. Но толком станичники ничего не знали ни о нападениях, ни о грабителях.

И вот однажды проезжали по большой дороге три кареты с красивыми девушками, которые направлялись к казакам в станицу по приказу императрицы.

Разбойники напали на них и хотели ограбить, но когда увидели, какие красавицы там едут, то забрали всех, а охрану убили.

И лишь один кучер остался в живых. Он был ранен и притворился мертвым, а когда стемнело, пришел в станицу и рассказал о случившемся.

То, что девушек нужно спасать, казаки решили сразу, а вот как и где их искать?

На следующий день станичный атаман отправил в лес трех казаков-пластунов, чтобы разыскали дом грабителей и все выведали.

Через три дня пластуны возвратились и поведали, что красавиц держат в доме посреди леса и все подходы к ним охраняются. И чтобы отбить девушек, придется выдержать горячую схватку.

Всю ночь атаман думал и к утру разработал план действий. Он всех своих казаков поделил на отдельные группы, у каждой было свое предназначение. И уже с утра станичники принялись за дело. Они соорудили из подводы красивую карету, в которой по большой дороге поехали переодетые казаки для того, чтобы разбойники напали на них. А в том месте, где должно было произойти нападение, другая группа казаков спряталась и стала ждать.

И вот в лесном доме остались только пленницы да охранники, а остальные жулики вышли на большую дорогу. Глядят, едет карета, они

выскочили из леса и со свистом и криком кинулись к ней.

А из кареты выпрыгивают казаки и давай отстреливаться, а затем и другие станичники появились из разных кустов и со всех сторон начали бить нападающих.

Завязался бой.

А в это время третья группа казаков окружила разбойничий дом и, убив всех часовых, освободила девушек.

Усадили казаки всех красавиц в кареты да в подводы, а в придачу к ним нагрузили много награбленных разбойниками сокровищ. И привезли в станицу и невест и приданое.

Казак и заколдованная девица

Ехал как-то казак путем-дорогою и заехал в дремучий лес; в том лесу на проталинке стоит стог сена. Остановился казак отдохнуть немножко, лег около и закурил трубку; курил, курил и не видал, как заронил искру в сено. Сел казак на коня и тронулся в путь; не успел и десяти шагов сделать, как вспыхнуло пламя и весь лес осветило. Оглянулся казак, смотрит - стог сена горит, а в огне стоит красная девица и говорит громким голосом:

- Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти.
- Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу.
- Сунь в огонь свою пику, я по ней выберусь.

Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару отвернулся.

Тотчас красная девица оборотилась змеею, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла хвост в зубы.

Казак испугался; не придумает, что ему делать и как ему быть.

Провещала змея человеческим голосом:

- Не бойся, добрый молодец! Неси меня на шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство - останься и проживи там еще семь лет безвыходно. Сослужишь эту службу, счастлив будешь!

Поехал казак разыскивать оловянное царство. Много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до крутой горы; на той горе стоит оловянный замок, кругом замка высокая белокаменная стена.

Поскакал казак на гору, перед ним стена раздвинулась, и въехал он на широкий двор. В ту ж минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась о сырую землю, обернулась душой-девицей и с глаз пропала - словно ее не было.

Казак поставил своего доброго коня на конюшню, вошел во дворец и стал осматривать комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархат, а нигде не видать ни единой души человеческой.

"Эх, - думает казак, - куда я заехал? Кто меня кормить и поить будет? Видно, придется помирать голодною смертью!"

Только подумал, глядь - перед ним стол накрыт, на столе и пить и есть - всего вдоволь; он закусил и выпил и вздумал пойти на коня посмотреть. Приходит в конюшню - конь стоит в стойле да овес ест.

- Ну, это дело хорошее: можно, значит, без нужды прожить.

Долго-долго оставался казак в оловянном замке, и взяла его скука смертная: шутка ли - завсегда один-одинешенек! Не с кем и словечка перекинуть. Вздумалось ему ехать на вольный свет; только куда ни бросится - везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалось, схватил добрый молодец палку, вошел во Дворец и давай зеркала и стекла бить, бархат рвать, стулья ломать, серебро швырять: "Авось-де хозяин выйдет да на волю выпустит!" Нет, никто не является.

Лег казак спать. На другой день проснулся, погулял-походил и вздумал закусить; туда-сюда смотрит - нет ему ничего!

"Эх, - думает, - сама себя раба бьет, коль нечисто жнет! Вот набедокурил вчера, а теперь голодай!"

Только покался, как сейчас и еда и питье - все готово!

Прошло три дня; проснулся казак поутру, глянул в окно - у крыльца стоит его добрый конь оседланный. Что бы такое значило? Умылся, оделся, взял свою длинную пику и вышел на широкий двор. Вдруг откуда ни взялась - явилась красная девица:

- Здравствуй, добрый молодец! Семь лет окончилось - избавил ты меня от конечной гибели. Знай же: я королевская дочь. Унес меня Кощей Бессмертный от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялась; вот он озлобился и оборотил меня лютой змеею. Спасибо тебе за долгую службу! Теперь поедem к моему отцу; станет он награждать тебя золотой казной и камнями самоцветными, ты ничего не бери, а проси себе бочонок, что в подвале стоит.

- А что за корысть в нем?

- Покатишь бочонок в правую сторону - тотчас дворец явится, покатишь в левую - дворец пропадет.

- Хорошо, - сказал казак. Сел он на коня, посадил с собой и прекрасную королевну; высокие стены сами перед ними пораздвинулись, и поехали они в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли - приезжает казак с королевной к королю.

Король увидел свою дочь, возрадовался, начал благодарствовать и дает казаку полны мешки золота и жемчугу.

Говорит добрый молодец:

- Не надо мне ни злата, ни жемчугу; дай мне на память тот бочоночек, что в подвале стоит.

- Многого хочешь, брат! Ну, да делать нечего: дочь мне всего дороже! За нее и бочонка не жаль. Бери.

Казак взял королевский подарок и отправился по белу свету странствовать.

Ехал-ехал, попадается ему навстречу древний старичок. Просит старик:

- Накорми меня, добрый молодец!

Казак соскочил с лошади, отвязал бочонок, покатил его вправо - в ту же минуту чудный дворец явился. Взошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол.

- Эй, слуги мои верные! - закричал казак. - Накормите-напоите моего гостя.

Не успел вымолвить - несут слуги целого быка и три котла питья. Начал старик есть да похваливать; съел целого быка, выпил три котла, крякнул и говорит:

- Маловато, да делать нечего! Спасибо за хлеб и за соль.

Вышли из дворца; казак покатил свой бочонок в левую сторону - и дворца как не бывало.

- Давай поменяемся, - говорит старик казаку, - я тебе меч отдам, а ты мне бочонок.

- А что толку в мече?

- Да ведь это меч-саморуб: только стоит махнуть - хоть какая будь сила несметная, всю побьет! Вот видишь - лес растет; хочешь, пробу сделаю?

Тут старик вынул свой меч, махнул им и говорит:

- Ступай, меч-саморуб, поруби дремучий лес!

Меч полетел и ну деревья рубить да в сажени класть; порубил и назад к хозяину воротился. Казак не стал долго раздумывать, отдал старику бочонок, а себе взял меч-саморуб, сел на коня и вздумал к королю вернуться. А под стольный город того короля подошел

сильный неприятель; казак увидал рать-силу несметную, махнул на нее мечом:

- Меч-саморуб! Сослужи-ка службу: поруби войско вражее.

Полетели головы... И часу не прошло, как вражьей силы не стало. Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королевну.

Свадьба была богатая; на той свадьбе и я был, мед пил, по усам текло, во рту не было.

Казак и ведьма

Поздним вечером приехал один казак в село, остановился у крайней избы и стал проситься:

- Эй, хозяин, пусти переночевать!

- Ступай, коли смерти не боишься.

- Что за речь такая! — думает казак, поставил коня в сарай, дал ему корму и идет в избу. Смотрит — и мужики, и бабы, и малые ребятишки — все навзрыд плачут да богу молятся; помолились и стали надевать чистые рубашки.

- Чего вы плачете? — спрашивает казак.

- Да вишь, — отвечает хозяин, — в нашем селе по ночам смерть ходит, в какую избу ни заглянет — так наутро клади всех жильцов в гроба да вези на погост. Нынешнюю ночь за нами очередь.

- Э, хозяин, не бойся; бог не выдаст, свинья не съест.

Хозяева полегли спать; а казак себе на уме — и глаз не смыкает.

В самую полночь отворилось окно; у окна показалась ведьма — вся в белом, взяла кропило, просунула руку в избу и только хотела кропить — как вдруг казак размахнул своей саблей и отсек ей руку по самое плечо. Ведьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убежала прочь. А казак поднял отрубленную руку, спрятал в свою шинель, кровь замыл и лег спать. Поутру проснулись хозяева, смотрят — все до единого живы-здоровы, и несказанно обрадовались.

- Хотите, — говорит казак, — я вам смерть покажу? Соберите скорей всех сотников и десятников да пойдёте ее по селу искать.

Тотчас собрались все сотники и десятники и пошли по домам; там нету, здесь нету, наконец добрались до пономарской избы.

- Вся, ли семья твоя здесь налицо? — спрашивает казак.

- Нет, родимый! Одна дочка больна, на печи лежит.

Казак глянул на печь, а у девки рука отсечена; тут он объявил все, как было, вынул и показал отрубленную руку. Мир наградил казака деньгами, а эту ведьму присудил утопить.

ОДИН ГОЛУТВЕННЫЙ И ДВА ДОМОВИТЫХ КАЗАКА

Пришлось пожить голутвенному казаку Евграфу в работниках у хозяйственных домовитых казаков Феофана и Кузьмы. Целый год, не разгибая спины, гнул он хрип на хуторе у Феофана. А когда кончился срок, Евграф сказал хозяину:

- Мне бы денег! Феофан глаза вытаращил: -Чего?
- Деньги бы!
- Вон чего ты захотел, а я и не знал. И выгнал тут же работника со двора.

Пошел Евграф в станицу, нанялся там к Кузьме. Проработал год, а как дошло дело до платы, Кузьма не захотел его слушать. Евграф и худом, и добром просил, ничего не помогает. Пришлось ему и от Кузьмы ни с чем уйти.

Ушел и забыл Евграф о своем хозяине, а Кузьма мучается: беда будет, разбойник он, обокрадет или какую-нибудь отраву сделает, а не то самого убьет. Лучше уж его я прикончу.

Утром чуть свет поднялся Кузьма, отыскал Евграфа, он под плетнем спал, затолкал в мешок, решил: «Утоплю». Потасил к реке. А дорога мимо церкви. В ней как раз служба шла. Кузьма оставил в ограде мешок с работником, а сам зашел помолиться. В это время Феофан ехал на базар, задумал пару коней продать. Поравнялся с церковью и увидел мешок в ограде. Он скорее туда, хотел взять, а Евграф ему:

- Не трогай, за мной скоро прилетят ангелы и унесут на небо.
- Феофан по голосу его не узнал, посчитал, что с ним какой-нибудь великий праведник разговаривает. Шапку снял, перекрестился. Потом подумал, что и ему бы неплохо попасть на небо. Решил попросить.
- Знаешь что, я тебе дам пару коней, ты на земле останешься, а я вместо тебя к Господу Богу вознесусь.
 - Ну, что же, - отвечает ему Евграф, - так уж и быть, уважу. Ангелы за мной в другой раз прилетят.

Тут Феофан схватил от радости мешок, Евграфа вытряхнул, сам в него залез. Осталось только покрепче завязать, что и постарался сделать на совесть Евграф. Потом он коней взял и поскорее уехал.

Вскоре из церкви вышел Кузьма. Вышел и давай костью колотить по мешку. Феофан молчит, терпит. Думает: «Это ангелы из меня грехи выколачивают». Потом Кузьма мешок на спину взвалил и потащил. Добрался до реки, выбрал поглубже место и бросил. Феофан не успел голос подать, как пошел ко дну. Стоит Кузьма на берегу, руки потирает.

«Ну, - думает он, - теперь я расправился со своим работником». Идет назад, а ему Евграф навстречу на коне верхом, а другого рядом с собою ведет. Кузьма так и оторопел.

- Да как же это так? Откуда ты взялся? Евграф посмеивается.

- Не знаю, хозяин, как и благодарить тебя. Бросил ты меня в реку, я гляжу, а там табуны коней ходят. Вот видишь сам, я себе двух выбрал и пригнал.

У Кузьмы от жадности да от зависти руки затряслись.

- А почему же ты больше не прихватил?

- Да с меня и этих хватит!

Евграф дальше уже хотел ехать, да Кузьма не пускает, просит, на колени упал.

- Брось ты, ради бога, меня в реку, я пригоню себе целый табун!

- Ну, так уж и быть, - согласился Евграф. Посадил Кузьму в мешок да и спустил в реку.

Так пропали два домовитых казака Феофан и Кузьма. Одного погубила охота попасть в святые, а другого - жадность.

БОЧОНОК И БОЧКА

Жили в одной станице домовитый казак Агафон и голутвенный казачок Федор. У Агафона все и в будни со стола валится, от хлеба ломаются закрома, лошадей и скота столько, что не помещается во дворе. А у Федора и в праздник не всегда найдется краюшка хлеба, ни амбаров, ни закромов не бывало, а скота – в одном кармане блоха на аркане, а в другом – черный таракан на цепи.

Так-то вот и жили они. Богатый богател, а бедный с хлеба на квас перебивался.

Как-то Федор пошел к Дону поймать рыбки. Глядит, а по-над берегом идут два казака. Оба в шапках-туркменках, в чекменях тонкого сукна. Один в алом, другой в темно-синем. Будто бы и незнакомые.

Присмотрелся же получите, а это Степан Тимофеевич Разин с своим братом Фролом. Подходят к Федору, спрашивают:

- Ну, как твои дела, как живешь, казак? Федор голову опустил.
- Дела мои, за чего бы не взялся, из рук валятся, а житье – хуже некуда.

Задумался Степан Тимофеевич, а потом говорит брату:

- А что, Фролушка, не поможем ли мы его беде?

Фрол в ответ:

- А почему же бедному человеку не помочь. Укажем, где мы схоронили нашу казну.

К Дону подошел и говорит Федору:

- А ну-ка, в этом вот месте попытай!

Федор рубаху и портки с себя долой и нырнул в воду. Когда же вынырнул, Фрол спрашивает:

- Ну, как?
- Да ничего нет.
- Ты еще разок нырни.

Федор нырнул, и только голову успел из воды показать, Фрол ему:

- Ну, что?
- Что-то попадалось твердое.

Фрол командует:

- Ныряй скорее и тащи!

Федор так и сделал. Вытащил небольшой, но тяжелый-претяжелый бочонок. Степан Тимофеевич глядит на казака, смеется:

- Ну, теперь ты поживешь!

Пришел Федор домой. Открыл бочонок, глядит - глазам не верит, он полнехонек червонцев. Собрался народ, все дивятся. Узнал и сосед Агафон. Завидно ему стало.

- Ишь, сколько отвалили. Пойду-ка я к ним. Мне-то должны больше дать. Ведь я не чета Федьке, умею деньгам счет вести, каждую копейку сберегу.

И пошел. Степан Тимофеевич и Фрол у Дона стоят. Он к ним, и говорит:

- Это чего же, соседа моего оделили, а я что, в поле обсевок?

Жалуйте-ка и мне казны да побольше!

Степан Тимофеевич переглянулся с Фролом и говорит:

- Видно, тебе все мало, ведь дом у тебя - полная чаша.

Агафон бородой затряс, закачал головой.

- Оно много добра-то лишним никогда не бывает.

Степан Тимофеевич усмехнулся.

- Тогда лезь в омут, там целая бочка. Бери и пользуйся, мы не жадные.

Агафон разделся поскорее, перекрестился и полез. Да так там, в омуте, и остался, утоп. Казаки его искать. Невод бросили и еле-еле вместе с бочкой выволокли. Он как за нее ухватился, так и замер, не оторвешь. Прибежала жена Агафона, причитает:

- Ох, мой Агафонушка, ох, родной мой! Меня покликал бы, вдвоем-то выкатили бы с золотом бочку. Ну, да не тужи, я по тебе сорокоуст закажу, целый год буду панихидки служить, постараюсь - быть тебе в раю! А казаков любопытство берет. Вышибли у бочки дно, глянули, а в ней одни камни. Увидала их жена Агафона и по-другому запричитала.

- Дурак ты, дурак набитый! Спасибо, я не подумала пособить тебе. Не жди себе ни дна, ни покрышки, ни сорокоуста, ни панихидок. Иди-ка в ад к чертям, они там тебя поучат уму-разуму.

Тропал домовитый казак Агафон, жадность его погубила. Ему и своего бы добра в сто лет не прожить, детям и внукам осталось бы, а он за чужим погнался.

Станица

Было это очень давно, когда только-только причалили узкогрудые казацкие челны к кубанским берегам. Вышли казаки на берег, оглянулись по сторонам, и улыбка осветила их усталые, загорелые лица. Вековые кудрявые дубы шелестели над ними своей листвой. Дальше степи расстилались – бескрайние плодородные степи, в которых трава поднималась выше человеческого роста. В бурных водах Кубани рыба всякая сновала – хоть шапкой ее лови...

– Здесь, видать, станицу будем ставить! – сказал дед Тимофей, старый сечевик, умелый коваль и отважный воин. – Нема края, найкращего, чем этот край! Обильная земля, привольная! Здесь жить будем!

Здесь станем матушку нашу Русь беречь от ворогов-турков!

Рядом с Тимофеем стояло трое молодых казаков-побратимов – тоже храбрых бывалых воинов.

– Хорошая земля! Хорошая! – сказал круглолицый, широкоплечий Павло. – Эх, и заиграет сердце, когда запашем мы эту целину да бросим в нее золотые пшеничные зерна!

– Богатый край! Заживем неплохо, – подхватил второй побратим, рослый, горбоносый Иван. – На такой земле можно богатств раздобыть!

– Да, можно здесь деньги нажить несметные! – воскликнул третий побратим, маленький и быстроглазый Петро.

Но вышло не так, как хотелось казакам. И оглянуться они не успели, а уж все богатство – и степи широкие, и леса дремучие, и даже воды Кубани, свободной быстрой реки, – поделили между собой пань-атаманы. И сразу тесной стала для казаков степь, угрюмы леса, холодны и злы кубанские волны.

Не успели станицу поставить казаки, как стали их гонять на панщину. То требовалось атаманский хуторок строить, то надо было пану землю пахать или сено готовить для бесчисленных атаманских гуртов скота. А за тяжкий труд благодарил их пан-атаман хитрым ласковым словом, супом-кандером – горсть пшена на целый котел – да гнилым хлебом.

- Надоело мне батрачить, - сказал как-то Иван. - А своей земли мало, на ней не разбогатеешь! Отпрошусь я у атамана, пойду за Кубань казаковать. У черкесов - кинжалы серебряные, булатные, кольчуги с золотым набором. Добуду я там себе богатства, сам паном стану. Идемте со мною, побратимы!

- Нет! - ответил быстроглазый Петро. - Войной много не наживешь. Сколько ни бей, а и сам битым будешь. Народ за рекой простой да доверчивый. Попрошу я у атамана ситцу яркого, лент разноцветных, сукна русского - пойду по аулам торговать. Будет барыш атаману, и мне... Идемте вместе!

- Не-ет! - покачал головою Павло. - Не хочу я от братьев наших казаков уходить, не нужны мне богатства, не собираюсь я паном садиться на казачью шею! На своем наделе проживу.

Заспорили тут побратимы, никак не могли решить, кто из них прав. И пошли они за советом к деду Тимофею.

Старый запорожец работал в это время в своей маленькой кузне, под дубами. Ковал он легкие и крепкие заступы. Ровно и сильно стучал молот по наковальне, красные искры снопами в разные стороны брызгали. Выслушал Тимофей Ивана и нахмурил седые брови. - Неправое дело надумал ты, казак, - сурово сказал он Ивану. - Зачем нам раздор с соседями-адыгами зачинать? Они - народ приветливый, мирный. Тоже на панщине у своих князей стонут. Обижать нам их не след. Кто ветер сеет - всегда бури пожинает. Не одобрил старик и замысел Петра. - Не казацкое это дело обмеривать да аршинничать! Самый верный путь - не разбой, не обман, а труд на родной земле, рядом с друзьями-товарищами. С надежными друзьями все беды-невзгоды победишь. Расчистим мы терны колючие - будет у нас земля для посевов. Сплетем сети - наловим рыбы. За мои ножи да серпы соседи-адыги дадут нам коней и баранов.

- Да когда же мы терны расчищать будем, если все время то в залогах, то на панщине? - закричал Иван. - Наделы и те бурьянами зарастают.

- Если один за одного стоять будем, и пана-атамана усмирим, - ответил Тимофей.

- Где уж там! - захохотал Петро. - Он нас всех в гроб загонит!

- А я вам скажу, побратимы, что правильно говорит дед Тимофей, - сказал Павло. - Не в одиночку, а сообщая нам надо к счастью пробиваться. В дружбе-товариществе сила наша... Это - самый верный путь...

Но не послушали Иван и Петро ни старого Тимофея, ни побратима своего. Пошли они к атаману и высказали ему свои думы.

Атаман принял их ласково. Горилки поднес, выдал Ивану оружие и порох, а Петру товаров разных дал.

- Действуйте, казаки, богатеите! - хитро сощурившись, сказал он двум побратимам. - И меня за доброту мою не забывайте. Половина добычи-дувана мне пойдет. Барыши от торговли тоже пополам разделим. Идите с богом!

Ушли два побратима в неведомые пути-дороги. А станица без них зажила.

Расчистили казаки терны колючие, вспахали целину жирную, бросили в землю зерна пшеницы и проса.

Соседи-адыги привезли саженцев яблонь и груш - вокруг станичных хат молодые садочки поднялись. Казаки учили адыгов землю пахать, пшеницу сеять. Дружно жили соседи. Вместе рыбу ловили и вялили ее на горячем солнце, вместе на охоту ходили...

Потом, когда поросли на полях зеленоватые стрелки пшеницы и проса, пропололи казаки посевы. С гор прилетали седые, мохнатые тучи и проливали на землю дожди. Затем снова всходило солнце, и пшеница, споря со своим соседом - просом, буйно тянулась вверх.

...А старший побратим Иван в это время казаковал в горах. Днем и ночью таился он в глухом горном ущелье, поджидая путников. И когда видел всадника с дорогим кинжалом, золочеными газырями и наборным поясом, то вскакивал на своего коня и нападал на джигита.

Ловко владел саблей казак. Много дорогого оружия сложил он у себя в горной пещере, где по ночам спал чутким волчьим сном. Но чем больше кинжалов, шашек, газырей и поясов добывал он, тем сильнее разгоралась в нем жадность. И начал Иван нападать не только на воинов-джигитов, но грабил и слабых, отбирал у них последнее.

Наконец, собрались жители ближних аулов и устроили на казака облаву. Как затравленный волк, потеряв всю свою добычу, с одной

только саблей, израненный и окровавленный, вырвался Иван на своем скакуне из кольца врагов.

«Куда ехать? – угрюмо подумал он, придерживая усталого коня. – Кто залечит мои раны? Кто даст мне приют?»

Хмуро молчали леса, не отвечали Ивану. «Некуда ехать, кроме как в станицу к младшему побратиму», – решил казак и направил своего коня к Кубани.

Средний побратим Петро долго бродил со своим товаром и самодельным деревянным аршином по аулам, вначале цены у него были, как и у других купцов; Но стала тут его грызть жадность.

Мало я барыша на товарах наживаю, да еще половину атаману отдать надо, – думал он. – Не скоро разбогатеть удастся! Повышу-ка я цены на свои товары да ситцы!»

Как сказал, так и сделал. Но тогда не стали люди покупать у него товары.

– Дорого у тебя, купец, – говорили они, – у других дешевле.

И пришлось вновь Петру торговать по старым ценам. Продает он товары, а сердце сжигает жадность. Только и думал казак о том, чтобы разбогатеть скорее. Отпускает ситец покупателю, а сам как можно сильнее его натягивает: авось вершок сэкономится.

Потом подумал, подумал и отрезал от своего деревянного аршина кончик.

«Авось никто не заметит, а мне выгода!» Поторговал он день в одном ауле – видит, удался его обман. Пошел Петро в другой аул, а по дороге с другой стороны свою мерку обкарнал. «Авось опять никто не заметит!» Получилось так, что, пока дошел Петро до пятого аула, который стоял на его пути, аршин вдвое уменьшился. Увидели эту мерку покупатели и давай кричать: – Жулик этот купец! Обманщик! Схватили они Петра вместе с аршином и бросили в бурную горную речку. Все товары пропали, пояс с деньгами ко дну пошел, а сам Петро еле-еле выбрался на берег.

«Что же мне теперь делать? – думал он. – Все пропало! Где мне преклонить усталую голову? Кто накормит меня и обогреет долгими зимними вечерами?»

И тоже решил он идти к младшему побратиму.

У тихой речки, под шумливыми кленами, встретились старшие побратимы.

- Какой ты худой да бледный, - сказал Иван. - Да и золота что-то у тебя не видно!

- Кровь застыла на твоём лице, глаза горят, как у волка, - ответил Пётро. - А курджин с добычей у тебя тоже незаметно!

Замолчали братья, потупились и продолжали путь вместе.

Добрались казаки до Кубани, взглянули на другой берег. А там в желтоватой осенней зелени садов хаты белеются, дымок над ними курится.

Переправились побратимы через реку и прямо пошли к лесной полянке, где стояла хата Павла. Громкая, дружная песня доносилась оттуда.

- Ишь, как поют! - удивился Иван.

- Похоже на то, что нашли казаки здесь богатство, - качнул русым чубом Пётро.

Вышли побратимы на поляну и видят: под осенним солнцем поднимается парок от свежеспаханной земли. Чуть поодаль амбар построен. Возле него казаки суетятся. У открытой настежь двери амбара стоит младший побратим. Солнце ласкает его загорелое лицо, ветер играет выцветшим чубом.

- Здравствуй, брат! - простонал Иван, покачиваясь от слабости. - Что это ты так весел? Или нашел большое богатство?

- Здорово, меньшей! - подхватил Пётро. - Или хата твоя полна золота, что так радостно льется твоя песня?

Обернулся младший побратим, улыбнулся, обнял старших и ответил:

- Здравствуйте, братья мои дорогие! Вот наше золото и серебро! Мои други-товарищи сегодня мне помогли убрать богатства до места!

Еще шире распахнул он двери амбара, и под солнцем вдруг вспыхнуло желтое пламя червонного золота и ударил в глаза холодный блеск серебра.

- Серебро! - закричал Иван, взглянув вверх под потолок.

- Золото! - вскрикнул Пётро, посмотрев на пол. Они вбежали в амбар. Под потолком ровными серебристыми рядами висела рыба, и

янтарный жир каплями застыл на ней. А внизу золотом переливались груды крупной пшеницы и проса.

- Ох и рыба! - воскликнул Иван, проглотив слюну, и вспомнил, что давно не ел он, ничего, кроме сухих лепешек да кислых горных яблок.

- Ну и пшеница! Крупная, как горох, да вся зерно зерну! - удивился Петро и вздохнул, вспомнив, как вкусен казачий пшенный кулеш со свежим хлебом. Вдруг прозвучал рядом чей-то сильный голос:

Зачем вы к нам пришли? Почему не идете к своему дружку-атаману?

Оглянулись побратимы, смотрят: стоит перед ними толпа - казаки, казачки, ребята малые. А впереди всех могучий седоусый дед Тимофей гневно сверкает яркими глазами.

- Зачем пришли? - повторил дед Тимофей. - Сошли вы с верного пути мирного труда! Нечего делать в нашей станице тем, кто с соседями нас поссорить старается! Не любит родная земля напрасно пролитой крови и корысти лживой. Она труд и честное сердце ценит. Дошла до нас весть о черных делах, которые творили ты, Иван, и ты, Петро. Ни душегубов-разбойников, ни аршинников-жуликов нам не надобно!

- Ступайте своей дорогой! - сурово повторили другие казаки. - Идите к атаману!

А атаман уже тут как тут. Расталкивает людей толстым животом, вперед пробирается и кричит:

- А, вернулись бродяги-обманщики! Где же добыча твоя, Иван? Где деньги твои, Петро? Где мои товары, мой порох, мои пули? Знаю, все знаю! Не смогли вы сберечь и умножить моего добра! Быть вам за это у меня батраками! До самой смерти отрабатывать свой долг у меня будете!

Заплакали тут Иван и Петро. А атаман еще громче кричать начал:

- В паньы вздумали вылезти! Из грязи да в князи! Побатрачите теперь у меня...

Глухо зашумели, заволновались казаки.

- Довольно жадничать тебе, атаман! - крикнул старый Тимофей. - Не позволим мы тебе свободных казаков в панских крепостных закабалить!

- Не позволим! - подхватил народ.

- Ах вы, горлопаны, - затрясся от злости атаман. - Бунтуете?! Завтра же указ привезу из Катеринодара, отберу у вас и зерно, и рыбу! Здесь кругом - моя земля! И воды мои! И рыба моя!

- Не много ли берешь себе, пан-атаман? Не подавишься ли? - спросил старый Тимофей.

- Взять бунтовщика! - крикнул атаман своим прислужникам и выхватил из-за пояса пистолет.

Бросились атаманские подпанки к старому кузнецу, но одного из них Павло перехватил, других казаки повязали.

- Все в Сибирь на каторгу пойдете! - завизжал атаман. - Я вам покажу, как бунтовать, как мою землю и воды обкрадывать!

И направил он пистолет в грудь старого Тимофея. Но выстрелить не успел. Подхватил старый кузнец атамана своими железными руками, встряхнул так, что вылетел из атаманских рук пистолет.

- Твои, говоришь, воды кубанские, пан-атаман? - переспросил кузнец.

- Ну, что же, владей ими!

И кинул он атамана с кручи, в самую кубанскую быстрину. А вслед за паном и подпанки его полетели. Только шапки с шелковыми красными кистями в бурых водах мелькнули.

- Так со всеми панами-душегубами будет! - сурово сказал старый Тимофей. - Со всеми, кто на крови народной свое богатство неправо строит!

Посмотрел старый Тимофей своими строгими глазами на Ивана и Петра.

- Если хотите с народом одним верным путем идти, счастье и горе делить, одной жизнью жить, - оставайтесь. Вместе все беды легче побеждать. Другой дорогой идти хотите - идите, мы вас держать не будем. Но станете вы нам чужими...

Повинились тут Иван и Петро в своих лихих делах, дали слово жить с народом, по-честному.

Весть о гибели пана-атамана и его лихих прислужников дошла до Екатеринодара. Приезжали оттуда чиновники царские, судья войсковой, всех казаков опрашивали. И все, как один, одно показали: выехал-де, пан-атаман в бурную погоду на рыбалку, а баркас

перевернулся. Ну, и утонули атаман и его прислужники в бурной Кубани.

Прислали вскоре нового атамана в станицу. Но до того, видать, дошли кое-какие слухи, потому что он вел себя потише...

С той поры наша станица у царского начальства все время беспокойной считалась.

О Грицко Коломийце и чудесном Цветке-Дождевике

О молодом казаке Грицко Коломийце и чудесном Цветке-Дождевике до сих пор поют на Кубани добрые песни и рассказывают задумчивые сказы. Но правда это или выдумка – сейчас никто не скажет, потому что было это очень давно, так давно, что многое забылось и быльем поросло...

Сказывают, жил в одной кубанской станице молодой казак Грицко Коломиец, смелее которого, сильнее и красивее не было на всей Кубани. Был он статен и широкоплеч, с загорелого лица, из-под черных густых бровей голубыми звездами светились смелые и ясные глаза. Умел Грицко справляться с любым, самым непокорным и необъезженным конем, умел работать лучше, других, а песни пел так, что летели они ласточками над станицей и в любое, самое заскорузлое и холодное сердце дорогу находили.

Жил Грицко один-одинешенек в маленькой хатке на самом краю станицы. Всех родственников его – и отца, и мать, и братьев с сестрами в одну неделю скосила злая черная смерть – огневица, занесенная служивыми казаками из далекой Персии.

Погоревал Грицко, поплакал на родительских могилах, но не дал горю сломить себя. Стал казак хозяйствовать один. И дела у него пошли не плохо, потому что не жалел он своих сил и была работа ему не в тягость, а в радость.

Многие станичные девчата заводили с Грицко хитрые разговоры о том, что вдвоем любую беду легче одолеть. Не один батька, имевший взрослых дочерей, намекал хлопцу, что не прочь иметь в семье такого зятя. Но Грицко только посмеивался и отшучивался...

А потом подглядели глазастые, девчата, что по вечерам наведывается Грицко в садок самого атамана, у которого была красавица-дочка. И пошли по станице слухи да разговоры.

Дошли они до атамана. Позвал он свою дочку и давай убеждать ее, что бедняк-хлопец ей не пара. А дивчина так прямо и отрезала отцу, что любит она Грицко, ни за кого, кроме него, замуж не выйдет, а неволить ее станут – в Кубань бросится... Пошумел, покричал отец для порядка, но не стал свою единственную дочь до крайности доводить и

дал согласие на свадьбу... Порешили сыграть веселую свадьбу осенью, когда будет убран урожай и в любой хате станет весело и сытно.

Но с весны пришла в станицу лихая беда. Примчался как-то с востока злобный колдун-Суховой, засвистал по-разбойничьи, затряс своими серыми, пыльными космами. Три дня бесновался старый разбойник – хохотал, махал над степью черными крыльями бури, застилал голубое небо пепельными пыльными облаками...

А когда умчался он обратно в свои мертвые пустыни, в далекий и мрачный свой дворец – не осталось в степи ни зернышка, ни росточка зеленого. Даже листья на деревьях пожелтели и пожухли.

Погоревали казаки, поплакали казачки, да что поделаешь? Собрали они последнее зерно и заново пересеяли свои поля. Посеяли и стали ждать благодатного дождика, который дал бы жизнь ростку, влил бы в него силу и упорство.

Шли дни за днями, но безоблачным и знойным оставалось небо. По вечерам пламенели над степью огненно-рыжие закаты. Трескалась от зноя кормилица-земля...

Потом вдруг зашумели по станице истомленные зноем чахлые деревья, нагнули на запад свои вершины. Закрутились по улицам пыльные вихри – дозорные колдуна-Суховея.

– Ой, беда! Ой, лихо! – запричитали по станице казачки.

А злодей-Суховой уже мчится по степи на своем сером коне, свистит, визжит, хохочет, гонит вперед своих верных слуг буйных Ветров – служанок Черных Бурь.

– Хо-хо-хо! – визжит разбойник. – О-п-я-ть п-о-сс-е-я-ли? Вс-се сс-мет-у-у!

Попрытались по хатам самые храбрые казаки, никто не решается на пути злого колдуна стать, в бой с ним вступить.

Только молодой казак Грицко Коломиец нахмурил густые брови, сжал упрямо губы, надвинул шапку на самые глаза и зашагал в степь, где бесновался старый разбойник.

«Надо кому-нибудь унять злобного Суховея, иначе вся станица с голоду пропадет, – думал Грицко, упрямо шагая навстречу буре. – А если мы все бояться будем, да по хатам отсиживаться – опять выдует разбойник все наши посевы».

Ринулись на казака буйные ветры, ударили его в широкую грудь. Покачнулся казак, но устоял на ногах и зашагал дальше. Налетели тут злобные Черные бури, хлестнули песком в лицо. Протер Грицко глаза и опять шагнул вперед, И тут налетел на казака сам Суховой. Разглядел хлопец в пыльной дымке невиданного всадника. Конь под всадником серый, тощий и костлявый, а на месте не стоит – то вперед ринется, то вбок, то на дыбы взовьется. Только грива серая развевается. А на коне сидит старик, длинный, худой, одни кости да кожа. Сизая косматая борода с растрепанными лохмами сплелась, аршин на пять в сторону развевается. А из-под недобрых нависших бровей злые глаза блестят. – И-хха! Богатырь выискался! – захохотал Суховой. – Вот я тебя конем стопчу!

И ринулся он на Грицко. Но казак ловко отпрыгнул в сторону, изловчился, ухватил злодея за бороду, оттолкнулся ногами от земли и оказался на коне, сзади старого разбойника. Закрутился конь по степи, то в одну сторону бросится, то в другую. Но Грицко обхватил тонкую шею колдуна и сидит, как прикованный. – От-пу-ссти! – взмолился Суховой. – От-пу-ссти! Про-шшу! Награ-жжу! – Не нужна мне твоя награда! – крикнул Грицко прямо в иссохшее ухо злодея. – Поклянись, что не станешь больше разбойничать в наших степях, что сейчас же пришьлешь к нам тучи дождевые... – Не бывать этому! Не дож-дешь-ся! – прохрипел в ярости Суховой. Тут Грицко понатужился и крепче сжал шею разбойнику. – Ж-жги его! Душ-ши! – прошипел злодей. Взвился конь Суховея в самое поднебесье и понесся на восток. А за ним помчались буйные Ветры и черные Бури. Мчатся и обжигают казака своим горячим дыханием. Но Грицко уткнулся лицом в жесткие, как мочалки, космы Суховея, и хоть трудно стало дышать, а терпит. И все сильнее сжимает глотку разбойнику. – Оо-хх! Пус-сть с-станет по-твоему! – простонал наконец Суховой. Серый конь его вниз пошел, и как только коснулся он копытами земли – Суховой бездыханным пал с седла.

«Видать, задушил я старика! – подумал Грицко. – Этак ни с чем я останусь – хоть и сам он летать больше не будет, но и дождя к нам не пошлет!»

И чуть-чуть отпустил он горло злодея. Вдохнул Суховой и заговорил слабым голосом:

- От-пу-ссти! Вс-се по-твоему будет! До ссамой твоей ссмерти ни я, ни слуги мои на твою станицу налетать не станут. И цветок тебе дам! Чудес-сный Цветок-Дождевик, который дождь тебе будет давать...

- И домой меня сейчас отправишь!

- И домой отправ-лрю! – согласился Суховой.

- А не обманешь?

- С-слово даю!

Отпустил тут казак злодея и оглянулся по сторонам. Видит – кругом, куда ни глянь, песок, точно застывшие волны, расстилается. Одни песчаные холмы черные, другие – желтые, третьи – серые, четвертые – красные, как кровь. А вдали, среди этих холмов, точно серое дымное облако, дрожит и переливается чудесный дворец – с круглыми башнями, куполами, сводчатыми окнами. Одни башни растут вверх, другие – уменьшаются. Куполы то распухают, как шары, то сжимаются...

- Крас-сиво? Вот мой дворец чудесный! – сказал Суховой.

- Ладно! Ты мне зубы не заговаривай, давай свой волшебный цветок! – ответил Грицко.

Захохотал тут Суховой, словно ржавыми дверями заскрипел. А потом махнул костлявой рукой – и оказался перед казаком блестящий, точно серое зеркало, кованый ларец.

- Вот, бер-ри! В этом ларце лежит чудесный Цветок-Дождевик о двадцати пяти лепестках. Как сорвешь лепесток и бросишь на землю – так сразу дождь пойдет...

Схватил казак ларец и воскликнул: – Добре! Давай теперь коня!

- Подожди! – заскрипел Суховой. – Ты еще не знаешь одного условия... Знай, что с каждым лепестком будет убывать твоя сила, казак. А с пос-следним, двадцать пятым, окончится твоя жизнь... – В злую усмешку скривился рот Суховея, и он спросил: – Может, откажешшш-шься, казак, от моего подарка? К чему тебе жизнь

молодую за других губить? А я тебе, вместо Цветка-Дождевика скатерть-самобранку дам, которая будет каждый день десять яств и десять напитков тебе доставлять. На твой век хватит – сыт и пьян будешь...

– Нет! – покачал головой казак. – Беру я твой Цветок-Дождевик! Подавай коня!

Скривился Суховой, ощерился желтыми длинными клыками, но выполнил требование казака. Махнул он рукой, и оказался перед ним серый конь – тощий, но горячий и непокорный. Вспрыгнул Грицко на седло, и взвился конь к самому поднебесью, только пыльная грива, как облако, взметнулась... Не успел казак глазом моргнуть, как спустился конь на том самом месте, где дрался Грицко с лиходеем-Суховеем.

Прижал казак крепче к груди ларчик с чудесным цветком и спрыгнул на землю. А конь взмахнул серой гривой и пыльным вихрем унесся на восток...

Оглянулся хлопец по сторонам. Тихо в степи, жарко, как в доброй печи. Мертвая, опаленная солнцем расстилалась перед ним земля – серая, иссохшая, в глубоких трещинах.

Копнул казак в одном месте пахоту и нашел пшеничное зернышко. Было оно целым и невредимым, бережно сохранила его мать-землица...

«Дождь бы сейчас хороший – и враз бы зазеленела вся степь! – подумал Грицко. – Видать, пришла пора испробовать Цветок-Дождевик!»

Открыл казак зеркальный ларец – и сразу пахнуло ему в лицо влажной свежестью. На дне ларца, на зеленом бархате лежал чудесный, невиданный цветок. Сердцевина этого цветка ярким синим огнем горит. А вокруг голубеют лепестки, такие тонкие и прозрачные, что сквозь них зеленый бархат просвечивает. И перекатывается по этим лепесткам светлая, сверкающая росинка. Так красив был Цветок-Дождевик, что жалко стало Грицко калечить его, отрывать лепесток. Но взглянул хлопец на иссушенную солнцем землю, вздохнул... И, оторвав один прозрачный лепесток, бросил его. Закружился лепесток,

засверкал на солнце. А у казака вдруг в голове помутилось и в глазах потемнело...

Как только упал лепесток на землю – разнесся по всей степи гулкий грохот.

Прояснилось в глазах у Грицко и видит он: наползает огромная сизая туча, яркие молнии ее подгоняют, гром грохочет... Потом далеко-далеко, там, где, кажется, что небо с землей сходится, встала, как занавеска, серая стена дождя. Минуты не прошло, как обрушился на степь прохладный, освежающий ливень. Зашелестела земля, жадно пьющая влагу. Затянулись ее глубокие раны-трещины. И вот уже заплясали по лужам пузырьки...

Под прохладными, дождевыми струями зашагал Грицко к родной станице. А там – на любой улице праздник. Ребятишки смеются, по лужам в припрыжку несутся. Казаки веселыми голосами перекликаются, глядя на пляску дождевых струй. Даже старики и те из хат повылезали, мочат чуприны под дождем.

«Вон сколько радости я людям дал!» – подумал Грицко и, улыбаясь, пошел в свою хату...

Почему-то чувствовал он себя совсем больным и усталым, а поэтому сейчас же скинул мокрую одежду и лег спать.

Утром встал казак, вышел из хаты и заулыбался. Ярко светило горячее солнце. И оно, и голубое небо казались вымытыми дождем. Листья на деревьях стали сочными, упругими и налились густой зеленью...

Через несколько дней выбились из земли зеленые пшеничные ростки, и вся степь покрылась изумрудной щетинкой.

Повеселела станица, вновь зазвучали над ней звонкие песни, по ночам, до самого рассвета, заливалась гармонь...

И снова счастливый Грицко стал по вечерам пробираться в атаманский сад, где на скамеечке, в самой чащобе густого вишняка ждала его любимая, черноглазка Галя. И опять до первых петухов сидели они обнявшись и говорили о том, какой светлой и радостной будет их жизнь, когда они поженятся...

Но лето в том несчастном году выдалось небывалое – сухое, знойное, без единого дождика. И когда пришла пора пшенице наливать колос – стала она никнуть и желтеть от лютой жажды.

- Не бывать в этом году урожаю, - вздохнула как-то Галя. - Бели дождик не поможет, то посохнет все... В несчастливую пору, видать, задумали мы нашу свадьбу!

- Не горюй, Галочка, на тревожься, цветочек мой полевой, - успокоил любимую Грицко. - Будет дождь! Завтра же будет! И мы с тобой свое счастье найдем!

Наутро взял Грицко свой заветный ларец и вышел с ним в свой садок. Сорвал он еще один лепесток с чудесного цветка...

И сейчас же опять разразился над степью дружный грозовой ливень, вдоволь напоивший все живое свежей прохладной водой. А казак, словно побитый, кое-как добрался до своей хаты и без сил свалился на постель...

Вечером Галя ждала-ждала любимого, а тот все не шел. Не выдержала дивчина и сама побежала к Грицко. Вошла она в хату тихо, бесшумно, как легкая ночная тень. Оглянулась по сторонам и видит: лежит казак бледный, дышит тяжело, бессильно раскинуты могучие руки.

- Что с тобой, Грицко? Что с тобой, любимый мой - в тревоге запричитала дивчина.

Открыл казак затуманенные глаза, обнял любимую и ответил:

- Ничего, Галочка! Не тревожься! Все хорошо будет!

- Нет, Гришенька! Ты скажи мне, что с тобой случилось? Или надорвался ты? Или ветром гнилым тебя продуло?

Так горячо просила дивчина, такая боль-тревога слышалась в ее голосе, что не выдержал казак и рассказал ей о своей битве со злодеем-Суховеем, о Цветке-Дождевике и о том, как убывают с каждым сорванным лепестком силы молодецкие.

Заплакала тут дивчина, заголосила. И начала упрашивать:

- Любимый мой! Желанный! Не трогай ты этот проклятый цветок! Не нужен он нам! И без цветка хватит у моего батьки и хлеба, и денег, а я у него одна дочка, единственная...

- Да ведь я не только о себе забочусь - о людях тревожусь, - ответил казак. - Выгорит хлеб - вся станица, кроме нескольких богатеев, по миру пойдет...

- И пусть идет - не наша это забота!

- Дети с голоду помрут...

- Пускай помирают, не наши это дети!

- Да разве ж можно так, Галочка, серденько мое? - удивился Грицко. - Ведь тем и силен наш русский народ, что всегда был один за всех и все за одного. Я для народа постараюсь, а он для меня...

- Пускай каждый сам о себе заботится... Ой, не любишь ты меня, - заплакала дивчина. - Не любишь! Чужое счастье для тебя дороже нашего... Не трогай проклятый цветок!

- Да не могу я, не могу жить только для себя, только о себе думать! - воскликнул Грицко и без сил упал на горячую подушку.

- Ладно, мой милый! Ладно, коханий! - испуганно заговорила Галя. - Не сердись на меня, глупую, не расстраивайся! Пусть, если хочешь, все по-твоему будет! А пока - спи мой родной! Спи, отдыхай, сил набирайся!

Тихим ручейком журчал девичий голос, мягкие руки гладили горячий лоб Грицко, на лицо ему упали темные косы, пахнущие пьянящей горечью степного полынка.

- Спи, родной мой! Отдыхай, любимый!

И заснул казак, крепко и сладко.

А дивчина, как только заметила, что спит ее милый, сейчас же от его кровати отошла, зажгла каганец и давай по хате шарить. Заглянула в запечье, в сундуке все перебрала. Потом открыла шкафчик, где хранилась немудреная посуда. И там, на самой верхней полке, заметила она полированный железный ларец тонкой и хитрой работы. Достала она ларец, открыла крышку и ахнула от удивления. На дне ларца голубым сиянием светился чудесный цветок, прозрачный, словно выточенный из хрусталя. А в самой середине цветка, где голубой цвет сгущался в густую синеву, дрожала и переливалась звездочка-росинка.

Долго стояла дивчина, любуясь Цветком-Дождевиком. Потом вдруг сдвинулись ее крылатые брови, и она сердитым толчком прихлопнула крышку ларца.

«Вот он где, этот проклятый Цветок-Дождевик, который грозит разлучить меня с любимым! - подумала дивчина. - Не бывать этому! Теперь чертячий цветок в моих руках!»

И, подхватив ларец, атаманская дочка выбежала из хаты...

Ночь была тихой и звездной. Словно уснув, стояли вишни и яблоньки в маленьком садочке, за хатой Грицко.

Добежала Галина до колодца-копанки, перекрестилась и с размаха швырнула ларец в колодец...

Не успела она и голову от колодца поднять, как сверкнула на небе змеистая молния и грохнул гром, потрясший всю степь. И сейчас же вздрогнули и застонали от налетевшей бури деревья, а затем со зловещим шумом обрушился на землю ливень с градом.

Порыв ветра швырнул дивчину на землю, струи ливня чуть не задушили ее. Ползком, задыхаясь и припадая к мокрой земле, добралась дивчина до хаты, перелезла через порог и захлопнула дверь...

В горнице было очень тихо, только доносился приглушенный рев бури да шум дождя. На столе желтоватым светом горел каганец.

- Грицко! - окликнула дивчина. - Слышишь, Грицко, какая буря разгулялась?

Но хлопец даже не шелохнулся.

- Грицко?!

Поднесла дивчина к лицу казака каганец, и его свет отразился в мертвых, широко открытых глазах...

- Ой, родной мой, единственный! - во весь голос закричала дивчина.

Но никто не слышал ее, никто не пришел к ней на помощь.

И тогда догадалась дивчина, что сама она погубила своего любимого, погубила тем, что бросила заветный цветок в колодец...

Чабрец

Казак Иван Чегода покидал берега родной Кубани. Все дальше и дальше уносил его конь, и топот копыт погони замолк в знойной полуденной тишине. Впереди синели горы, под ногами коня стлался яркий ковер цветущей степи, а позади... Позади осталась Кубань, развалины родного хутора, дым и пламя пожара. Как горячий ветер-суховея, налетели на хутор турецкие орды. Вспыхнули казацкие мазанки, засверкали кривые сабли... Увидел Иван Чегода, что все казаки легли под турецкими саблями, попытался пробиться на север. Но когда целая сотня турок преградила ему путь, он повернул своего коня и поскакал на юг, к далеким горам.

Вот уже кончается степь. Хмурые дубовые леса неласковым шепотом встречают казака. И тогда придержал Иван Чегода коня, нагнулся с седла и сорвал кустик степного чабреца – низкой скромной травки с алыми цветочками и сладким запахом. Такой же чабрец рос на берегу Кубани, у родного хутора, и мать-старуха часто посыпала им чистый глиняный пол хаты. А хуторские девчата любили вплетать пахучий чабрец в венки, когда шли под вербы, на гулянку. Понюхал казак траву, бережно положил ее за пазуху и въехал в лес. И начало казаться Ивану, что и великаны-дубы, и скромная травка шепчут одно и то же: – Казак! Негоже оставлять родную землю. Почему ты здесь, а не с товарищами. Трус!

– Я не трус! – закричал казак. – Смотри: моя сабля в турецкой крови! В пороховнице не осталось пороху, я его в бою с врагами извел!

Но дубрава шептала:

– Негоже бросать родную землю врагу! Трус! Замолчал казак, низко к гриве коня опустил свою голову, и тоска жесткой рукой сжала его сердце.

Так всю ночь ехал он по лесам и ущельям, поднимаясь все выше в горы. А когда утренняя заря кровью залила белые вершины гор, за перевалом встретил Иван Чегода воинов в бурках и черных, как ночь, папах. Впереди ехал седой длинноусый старик с зоркими глазами и горбатым носом. Ярко-красная бархатная шапочка, осыпанная

самоцветными камнями, прикрывала седые кудри, расшитый золотом плащ вился по ветру, дорогая сабля билась о стремяна.

- Кто ты? - крикнул старик Ивану.

Ничего не ответил казак, только остановил коня и взглянул на старика тяжелым свинцовым взглядом. Тогда выехали -вперед два рослых воина в бурках и, выхватив шашки, закричали:

- Кто ты? Отвечай нашему полководцу или сейчас твоя голова скатится с плеч!

Молчал казак. Черная тоска сковала его тело, и все равно было ему - жить или умереть.

- Кто ты?! Отвечай, о трус, от страха растерявший слова! - снова крикнули воины.

- Я не трус! - простонал казак и, выхватив саблю, пришпорил коня.

Вскинул усталую голову резвый кубанский конь, заел и рванулся навстречу воинам. Скрестились и засверкали сабли. Умело и ловко владели клинками люди в черных папахах, но не было в их руках отчаянной силы и ярости. Долго звенели, скрещаясь клинки... Но вот широко взмахнул саблей казак, выбил оружие из рук воинов и остановил коня - мрачный и могучий, как горная гроза. Закричали от негодования остальные воины в бурках, сверкнули в лучах молодого солнца десятки клинков, но старик засмеялся и велел спрятать сабли.

- Добрый воин! - сказал он Ивану. - Мне нужны острые сабли и крепкие руки, чтобы бить турок... Спрячь саблю, пришелец, и садись с нами на ковер! Пусть кубок доброго карталинского вина разгонит твою печаль...

Иван Чегода слез с усталого коня и присел на мягкий ковер, развернутый воинами. Смуглолицый юноша поднес ему окованный серебром турий рог, наполненный душистым вином.

- Может быть, теперь, за дружеской трапезой, ты поведаешь нам, кто ты и откуда? - ласково спросил старик.

- Я - кубанский казак Иван Чегода... Была у меня земля родная, любимая, была мать-старушка, была дивчина кареглазая, а сейчас ничего нет, бобыль я! Сожгли мое счастье проклятые турки!

- У нас общая дорога и одни враги, - сказал старик. - Русские воины и воины солнечной Картли не один раз плечом к плечу стояли против

турок. Езжай с нами в Картли – там найдешь себе вторую Родину. Там собирается войско на борьбу с турками...

То ли от сладкого крепкого вина, то ли от ласковых слов седоволосого военачальника, но повеселел Иван Чегода.

...Как янтарные зерна в четках, один к одному вязались дни. И вскоре далеко по турецкой земле, вплоть до голубого Трапезонда, гремело грозное имя Ивана Чегоды. Самые отважные турецкие воины бледнели и поворачивали назад коней, когда на них мчался хмурый, светлоусый воин в богатой одежде и золоченом шлеме. Много побед одержал молодой сотник грузинского войска. Он научил подчиненных ему воинов змеями красться в кустах к вражьему стану. Он первый несся на коне в атаку, и никто не мог остановить его. Богатые одежды, лихих арабских скакунов, дворец, украшенный алыми багдадскими коврами, подарил герою-кубанцу грузинский полководец. Но никогда не улыбался Иван Чегода, всегда холодны и страшны были его ледяные глаза. И слуги не раз видели, как богатырь, уединившись в дальней комнате своего дворца, открывал золотой ларец, доставал оттуда пучок сухой, невиданной в этих краях травы, шептал тихие, ласковые слова о кубанской земле и плакал над сухим кустиком:

– Почему он не пахнет? Куда девался его степной медвяный запах? И не могли понять люди: зачем было нужно нюхать сухую траву, когда кругом столько ярких, пахучих цветов!

И опять луна и солнце отсчитывали сутки и месяцы. Однажды в тихий весенний вечер, когда воздух был сладким от дыхания роз, Иван Чегода, запершись в дальней комнате своего дворца, снова открыл золотой ларец. Оттуда пахло крепким, густым, горячим запахом весенней кубанской степи. И тут впервые заметили слуги радостную улыбку на лице грозного Ивана Чегоды. Они широко раскрыли глаза от удивления, когда любимец старого князя сорвал с себя драгоценные одежды, надел синие выцветшие шаровары, рубашку, расшитую скромным узором, и заломленную назад старую шапку. Потом он снял со стены шашку в черных потертых кожаных ножнах, взял длинное ружье, палочку свинца и рог, полный пороха. Веселый, улыбающийся, он сам пошел в конюшни и, пройдя мимо дорогих арабских скакунов, заседлал кубанского косматого коня. А когда Иван

Чегода выехал за ворота дворца, слуги услышали, что он поет громкую песню, широкую и бурную, как горная река.

Вот и опушка дубравы. Вековые дубы шепчут молодыми листьями что-то ласковое и приветливое. Яркая, зелёная, усыпанная разноцветными искрами цветов.

Вот и опушка дубравы. Вековые дубы шепчут молодыми листьями что-то ласковое и приветное. Яркая, зелёная, усыпанная разноцветными искрами цветов, дымится под солнцем весенняя степь. Жадно всматривается в неё казак, нагибается с коня. Но нигде не видно низкой пахучей травки-чабреца. Только старый сухой кустик шелестит под рубахой у сердца и дарит пьянящий аромат.

У степной балки навстречу казаку выехало трое людей в оборванных свитках и облысевших папах.

-Куда едешь, хлопец?! Там турки!- угрюмо сказали они.

-Еду на Кубань, на родную землю..... Зовёт она нас, чтобы освободили мы её от врага,- ответил Иван Чегода и достал из-за пазухи сухой чабрец.

Жадно вдохнули казаки родной запах и молча поехали за Иваном. И один из них сказал:

-Уж год я не видел чабреца! Не растёт он в нашей степи.... Всё ближе и ближе берега Родной Кубани. Всё новые и новые люди выходят из плавней, из степных балок, из развалин сгоревших хуторов.

- Куда путь держите?-спрашивают они.

-Отбивать родную землю идём!

И всё больше и больше колей ступают по следам Иванова скакуна.

Вечер махнул синим крылом, когда почуяли казацкие кони сладкую кубанскую воду. Впереди на берегу забелели шатры турецкого войска.

-Не отдохнуть ли перед боем, Иван?- спросил один из казаков. -Коли шли целый день и устали!

-Нет! Коня чуют кубанскую воду и рвутся вперед!

-Не отдохнуть ли нам, Иван?- спросил другой.

-Притомились казаки, ведь целый день под солнцем ехали!

-Нет! Прохладный ветер кубанский освежит нас!

-Не остановится ли нам Иван? Темнеет уже!- сказал третий.

-Нет Скоро месяц взойдёт, и Кубань, как зеркало, его лучи на берег отразит!

Загудели трубы в турецком лагере. Выбежали янычары, вскочили в седла делибаши, замелькали факелы. Но не видны им в сумрачной степи казаки, только топот копыт слышался. А Кубань своими волнами, как серебряной чешуёй, отразила лучи молодого месяца и осветила турецкий лагерь. Свежий ветер примчался с реки и сырým туманом до костей пронизал турок. Грозой налетела казачья лава.

-Чегода-паша! – закричали турки, увидев переднего всадника и сабли начали падать у них из рук.

Напрасно турецкий паша пытался грозными окриками воодушевить своих воинов. Напрасно с визгом бросались на казаков разъярённые делибаши. Ничто не могло остановить казаков. Молниями сверкали их сабли, гремели ружья, всё теснее сжималось казачье кольцо вокруг турецкого лагеря.

-Вперёд! С нами аллах!- вскричал турецкий паша и с отборными воинами ринулся на казаков. Казалось, ещё один момент_ и прорвёт паша смертоносное кольцо казачьих сабель. Но вдруг вырос на его пути хмурый всадник с обнажённой шашкой.

-Вперёд казаки! С нами Родина!- громким голосом крикнул всадник, и турок узнал в нём Ивана Чегоду.

-Вот тебе, гяур!- взвизгнул паша и опустил кривую саблю. Но Чегода ловко отвёл удар, размахнулся и срубил турецкому паше голову. Завыли турки от отчаяния, повернули назад и стали бросаться в Кубань....

В ту ночь тысячи их навсегда полегли на кубанской земле, а остальные потонули в бурных водах реки. После боя усталые казаки сладко уснули на зелёной траве, у родной Кубани. А утром, когда горячее солнце начало лить росу и умылось в холодной реке, они проснулись от жаркого медвяного запаха. Тысячи кустика невысокой травки с мягкими листиками и красноватыми мелкими цветочками расцвели вокруг них, слали свой нежный аромат и ласковый шорох. С тех пор, отправляясь в поход, всегда берут с собой казаки сухие пахучие веточки родного чабреца.

Виноградная лоза

В одной станице жила-была девица по имени Полина. До чего ж красовитая! И гордейка такая, что свет не видывал. А во всякой гордости черту много радости.

Сколько она молодых парней сгубила, трудно и сосчитать. Казачины в летах, особенно вдовы, и те пытались счастья у нее искать. Да где там! Как только казак начинает около ее окон ходить, глаза мозолить, она ему сразу задачку неисполнимую задает. Разводит руками казак: мыслимо ли дело такой каприз сполнить. А она смеется: любишь-де - сполнишь. Посмотрим, какая твоя любовь на проверку выйдет.

Взыграет в казаке ретивое. Кровь в лицо кинется. Казак - он и есть казак. Он не мужик: для него девица - крепость, ее надо завоевать или голову сложить.

И все: пропал казак.

А Полина новые каверзы придумывает. Одна хлеще другой. Откель они ей в голову приходили. Вот такая была девица: черта слопаёт да лешаком закусит и не поперхнется.

Приехал тут в станицу один пронзительный офицер. Встал на постой. Видать, ему паек хороший шел, вот и баловался с девками. Словесами их улещивал да охаживал. А девки, известное дело, глупы, как перепелки, на разговор идут.

Повстречал он случаем Полину, и язык у него к небу прилип. Хочет чтой-то сказать. Запинается. Слова свои ситцевые подрастерял. Стоит перед Полиной дурак дураком. С таким-то и разговаривать зазорно. Засмеялась Полина.

- Эк вас проняло.

И пошла дальше.

А офицер к себе побег. Надел для пущей помпы новый мундир. И к Полине направился. Руку с сердцем предлагать. Перед ней любезностями рассыпается. Ножкой шаркает.

Полина ему и говорит:

- Что бестолочь сыпать. Мужество свое изощрить не хотите ли?

- С первым удовольствием.

- Ну, слушайте тогда задачку...

В тот же день уехал офицер. Только его и видели. Как в воду канул. Раз встречается Полину подружка. Вместе когда-то хороводили да венками менялись. Та уж замужем давно. Сын ее, Афоня, у подола вертится. Подружка говорит:

- И старость тебя не берет. Смотри, как я усохла.

Засмеялась Полина, собой довольна.

- Шелк не рвется, булат не сечется, красно золото не ржавеет.

- Все до поры, - говорит подруга, - вянет и красный цвет. Нечего капризы выставлять.

Наше дело - детей рожать. Пора тебе и преклониться к кому-нибудь.

- А я, - говорит Полина, - твою Афоню обожду. Покуда подрастет. К нему и преклонюся.

Глянула мать на своего сынка. И сердце обмерло. Таращится он на Полину во все глаза. Схватила она его на руки и в бега вдарилась. От Полины подальше.

А та руки в боки и в хохот.

С тех самых пор Афоня все норовил около Полининого дома играть. Смеялась Полина, вона мой жених хворостину оседлал, на мои окошки поглядывает.

Смех смехом. А время шло. Не шло - летело. Вошел Афоня в возраст. Пришла и его пора у Полины счастья спытать. Надел он чистую рубаху. Голову маслом помазал.

Волосы расчесал гребешком. И к Полине объявился.

Смотрит она на Афоню. Экий казачина вымахал. Казистый да осанистый. Пригож, чего тут говорить. Пробежала у Полины по сердцу дрожь. А с чего бы вдруг?

- Свататься, знать, пришел?

- Ага, свататься, - отвечает Афоня. - Давай свою задачу.

- А исполнишь?

- Сполню. Нет мне отступу.

- Тогда слушай, - говорит Полина. - Слыхала я от знающих людей, что произрастают на Капказе ягоды чудные, виноградарьем зовутся. Добудешь - мы с тобой тотчас оженимся.

Ушел Афоня.

И сгинул. Ни слуху о нем, ни духу.

Затомилась Полина. Первый раз в жизни такое. По ночам не спит, в постели мечется. Думает: «Рок мне такой выпал, иль я его сама себе придумала».

А тут один за другим Афонины родители сошли в могилу.

Собрались казачки в круг. Лопнуло их терпение. Стали совет держать. Кричат: «Ей-то полгоря, а нам каково? Была бы война, а то так, не за ломаный грош извела казаков. Обуздать ее так, чтоб лихоматом ревела».

Порешили бабы согнать Полину со станицы. И камнями побить.

Решили – так и сделали.

Идет Полина по дороге побитая, живого места на ней нету. Видит, под курганом человек лежит. И ворон над ним вьется. Подошла поближе, а это Афоня, друг ее сердечный, весь изранетый. Жизнь его, похоже, к концу подходит.

Заплакала Полина. Голосом завывала. Припала к Афоне. Впервые за многие годы жаль ее так разобрала.

Он ей и говорит:

– Сполнил я-таки твою задачку. Вытащил из-за пазухи веточку сухую.
– Если, – говорит, – эту веточку посадить, на ней ягодка сладкая вырастет.

И в беспамятство впал.

Огляделась Полина, сушь окрест стоит несусветная. В груди тоска неразмытая. Жар на нее навалился. Голова закружилась. Прилегла она рядом с Афоней, словно в бреду.

Долго ли, коротко ли времени прошло, очнулся Афоня. Над ним виноград гроздьями висит. Неподалеку родник бьет. Видит, девчушка у лозы стоит, ягоды на нитку нанизала да на шею свою вместо бус навесила.

– Ты кто такая? – спрашивает ее Афоня.

– Я не тутошняя, – отвечает девчушка. – Я зашедшая. Из далека.

– Ты здесь никого не видала? – спрашивает Афоня.

– Не-ка, не видала, – отвечает девчушка.

Привстал казак. К осени дело идет. Полынь дух свой отдает. Да такой горьковатый, что печалит сердце.

– Ты кушай ягодку, – говорит Афоня, – дюже она вкусна.

Оборотилась Полина виноградной лозою и стой поры идущие мимо путники находили защиту от зноя в тени виноградных листьев и спасались от жажды спелыми ягодами. Так была наказана Полина за гордыню свою.

Список использованных электронных источников

https://librebook.me/kazachi_skazki

<https://www.miloliza.com/kazachi-skazki>

<https://knigago.com/books/child-all/child-tale/7866-narodnyie-skazki-kazachi-skazki/?p=1>

<https://skazkufentazu.ru/category/kazachi-skazki>

<https://www.bookol.ru/detskoe/skazka/160993/fulltext.htm>

<https://libking.ru/books/child-/child-tale/160993-kollektiv-avtorov-kazachi-skazki.html>

<https://www.litlib.net/bk/51091>